

СОБЫТИЕ

20 мая 2014 г. в Санкт-Петербурге состоялась презентация книги Эвелин Лигнер «Ненависть, которая лечит: психологическая обратимость шизофрении» с участием автора. Презентация была организована совместно Издательским домом «ERGO» (Ижевск) и Восточно-Европейским институтом психоанализа (Санкт-Петербург).

Ex ERGO LIBRIS

И. ПАРКЕР «БЕЗУМИЕ, СУБЪЕКТ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»: ЦИТАТЫ...

«Мы живем в форме реальности, которую, чтобы выжить, мы должны принять как истинную, как единственный путь для жизни. Каждый день мы обмениваемся знаками, которые воспринимаем как имеющие определенную установленную ценность, даже несмотря на то что знаем на каком-то глубинном уровне, что они ее не имеют, и деньги, эти знаки, — один из ряда предметов потребления, которые сами покупаются и продаются. Наши мысли и чувства, фантазии и желания материализуются в вещи, которые могут быть рыночными, и то, что мы считаем самым глубинным в себе, может быть, как мы также знаем, переупаковано и вновь нам продано (Mandel and Novack, 1970). Отгораживание природных ресурсов в начале капитализма, которое вынудило нас продавать свою рабочую силу, чтобы мы вновь смогли выкупить то, что однажды было нашим, сейчас в искаженной материализованной форме доходит до отгораживания эмоций, так что то, что мы выполняем на работе в сфере обслуживания, становится родом «глубокой игры», эмоциональным трудом, из которого другие извлекут прибавочную стоимость (Hochschild, 1983).

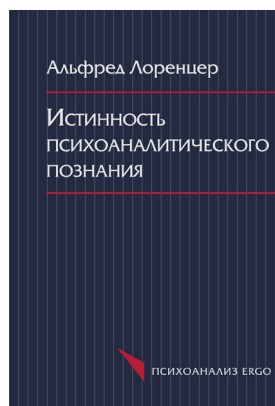
Когда Маркс (Marx, 1844) пишет об отчуждении, он идентифицирует четыре аспекта, четыре пути того, как наша субъективность искажена при капитализме. Во-первых, мы отчуждены от нашего творческого труда, от нашей собственной чувственной занятости материалом в мире, когда мы что-то из него делаем. Мы отчуждены от творчества, когда продаем нашу рабочую силу другим, и мы знаем, что тем, что мы производим, владеет кто-то еще, и они определяют, что мы производим и как мы это производим. Во-вторых, мы отчуждены от наших отношений с другими, когда мы соперничаем в том, чтобы продать себя и сделать себя подверженными той первой форме отчуждения, когда мы теряем то, что мы производим, в тот самый момент, когда мы это производим. И это соперничество требует подозрительности и ощущения, что если выигрывают другие, то мы проигрываем.

В-третьих, мы отчуждены от нашей собственной природы, от наших собственных тел, зная, что если нам не удастся вывести себя на рынок и мы продадим себя по цене ниже наших конкурентов, тогда мы будем страдать и, возможно, будем голодать. Это превращает наше отношение с нашим телом в отношения субъекта внутри машины, который должен удерживать эту машину в рабочем состоянии, и он начинает бояться ее поломки. В-четвертых, мы отчуждены, как говорит Маркс, от самой природы, относясь к ней как к чему-то, чем необходимо овладеть и что нужно эксплуатировать, как будто с ней необходимо обращаться по большей степени так же, как мы обращались с собой или как когда мы продавали себя другим, чтобы так они обращались с нами. Это вновь заставляет нас тревожиться о природе, которой нельзя овладеть, и поэтому мы отделены от того, чьей частью мы на самом деле являемся, и отделены на более глубоком уровне от себя (Kovel, 2007).

Эта социальная реальность безумна. Отрицать это — безумие, но принять это, что является сегодня условием разумности, само по себе форма безумия. Это политико-экономическая матрица реальности, в которой мы либо адаптируемся, либо ломаем ее, либо, в некоторых случаях, становимся частью заботливых профессионалов, чтобы попытаться довольно безнадежно подлатать ситуацию. Пропаганда «счастья», привязанная к когнитивно-бихевиоральной терапии в Великобритании, является одним из примеров этой попытки подлатать ситуацию и заставить индивидов взять ответственность за свое отчуждение (Layard, 2005). Справедливость здесь — для каждого индивида по отдельности, и это смыкает социальное измерение (Pilgrim, 2008)».

Альфред Лоренцер

**ИСТИННОСТЬ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ
НАБРОСОК**

ISBN 978-5-98904-199-2
60x90 1/16
332 с., обложка

Неудавшееся соединение внутренней природы и внешней природы на основании дефицитности общественно организованной практики обязательно приводит к прерыванию консистентности внутри структуры форм интеракции. Наоборот, поскольку формы интеракции являются частями общественной практики в целом, любое неконсистентное интерагирование должно вести к распаду синтеза. Коллективная структура практики в этом месте привативистична и неконсистентна.

Неконсистентность структур практики может осуществляться двояко.

1. Фигуры интеракции, свободные от противоречий в себе, поскольку относятся к различным ситуациям, противоположны друг другу.

2. Противоречивые фигуры интеракции контрастируют в одной и той же ситуации.

Случай 1 можно рассматривать как ослабление случая 2.

Теперь для обеих возможностей существуют эмпирические подтверждения. На случай 2 указывает следующее наблюдение, которым мы обязаны Рене А. Шпицу.

Мать и ребенка с трудностями в грудном вскармливании сняли на киноленту. Фильм показал следующее. Мать дала ребенку грудь. При прикосновении к слизистой губ проявился сосательный рефлекс, ребенок схватил губами сосок. В этот момент мать отняла у ребенка сосок, активность ребенка была прервана, после чего мать снова дала ребенку грудь. Проявился сосательный рефлекс, мать отняла у ребенка сосок и т. д.

Если мы проанализируем ситуацию с помощью нашей основной формулы неконсистентной фигуры интеракции, то станут отчетливо видны оба основных момента.

1. Неудавшийся синтез. Доля материнской практики в диаде матери и ребенка нетерпима, мать ведет себя деструктивно, предложение ею формы интеракции фрустрирует, отказывает в удовлетворении.

2. Неудавшийся синтез часто проявляется как последовательность двух предложенных интеракций, исключающих одна другую, спорящих из-за места. Уделение ребенку внимания и отворачивание от него в одной и той же ситуации исполняются таким образом, что ни одна активность не может развиваться своим чередом. Ни фигура уделения внимания не выдерживается до конца, ни мать не отворачивается от ребенка в однозначном отказе удовлетворения. Более

того, она занимает ребенка антагонистически противоречивым образом. Она вовлекает ребенка в процесс уделения ему внимания, что одновременно является отворачиванием, она вовлекает его в отворачивание, которое переигрывается как уделение внимания. Ребенок не может выбрать для себя одну из двух возможностей, он одновременно отработывает обе. Противоположные формы интеракции тем самым вместе навязчиво вовлекаются в одну и ту же реальную интеракцию, а значит, в одну и ту же ситуацию. Сформулируем наоборот: для ситуации отработываются противоречащие, логически несоединимые формы интеракции, совершенно в соответствии с формулой на рис. 17. Ее можно сокращенно нарисовать следующим образом:

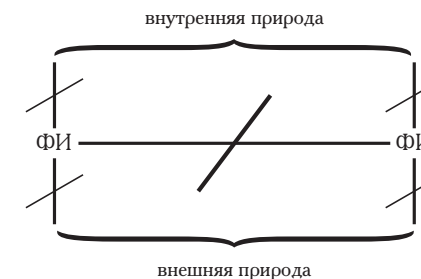

Рис. 18

От внимания людей, знакомых с теорией double bind¹, не ускользнет то, что пример Шпица отображает основные моменты ситуации double bind и что мое толкование в некоторых пунктах копирует теорию double bind, в других же, в частности, в тезисе неконсистентно-антагонистически ориентированной фигуры интеракции, уклоняется от нее (о разбирательстве с теорией коммуникации ср. [52]).

Пример Шпица иллюстрирует «более тяжелую» форму «неконсистентной фигуры интеракции», мы относим ее — в совпадении с опытом double bind — к психотической основной модели нарушения социализации.

Вторая, более легкая форма касается взаимоисключений практики, в которых противоречия не собраны непосредственно в одной

¹ [Double bind (англ.) — двойное послание; противоречивая жизненная ситуация, создаваемая человеком.]

ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO» направляйте на email: market@ergo-izhevsk.ru